
понять, подій, фактів. Тож і «невинність» Голдена – це «невинність» хлопця початку атомної доби, попкультури та глобалізації світу.

Література

1. Барт Р. Фрагменты речи влюбленного. М.: Ad Marginem, 1999. – 430 с.
2. Белов С. Парадоксы Дж. Сэлинджера. // Литературног обозрение, № 2, 1985.
3. Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. // ел. ресурс: [http:// www. gumer.info/ bogoslov_books/pulos/Berd_ / Nazu_Index/php](http://www.gumer.info/bogoslov_books/pulos/Berd_Nazu_Index/php).
4. Денисова Т.Н. История американской литературы XX столетия. – К.: Довіра, 2002. – с. 138-143. – Ел. ресурс: http://salinger.narod.ru/Texts/_Denisova-Salinger.htm.
5. История американской литературы. Частина 2. – т М.: 1971.
6. Краснящих А. Инфантилизм как национальный бренд. // ел. ресурс: [http:// www.reshto.ru/speaking/articles/news4474.php](http://www.reshto.ru/speaking/articles/news4474.php)
7. Deigh J. Innocence // Becker L.C., ed., Becker Ch.B., ass. ed. Encyclopedia of Ethics. Chicago and London: St. James Press. V. 1, 1992.

УДК 821. 112.2.09

Даценко Ю. В.,

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
ТНУ им. В. И. Вернадского

РЕЦЕПТИВНАЯ ЭСТЕТИКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА (НА МАТЕРИАЛЕ НОВЕЛЛЫ Т. МАННА «ТОНИО КРЕГЕР»)

Любой акт художественного восприятия зависит от нашего «горизонта понимания». Читатель, интерпретирующий произведение искусства, тем самым творит его. По мысли одного из основоположников герменевтики, немецкого философа и филолога Ф. Шлейермахера (1768-1834) интенцией обладает сам художественный текст. Отсюда любое художественное восприятие должно считаться с внутренними законами, которые хранит в себе литературное произведение. Об этом сказал в свое время В. Набоков: «главный шедевр

любого писателя – это его читатели»[6, с. 57]. В. Набоков предполагал, что те смыслы, состояния и значения, которые автор кодирует с помощью приемов выразительности и образности в тексте, требуют от читателя адекватной конгениальности.

Одним из подходов герменевтики является рецептивная эстетика. Это современное направление, зародившееся в западной критике и литературоведении, исходящее из идеи, что произведение искусства возникает и реализуется только в процессе взаимодействия художественного текста и читателя. В основе данного подхода немецкого ученого Г. Яусса (1921) рассматривается положение о том, что эстетический анализ в рамках художественного текста, недостаточен для глубины его понимания. В акте художественного восприятия взаимодействуют эстетика произведения и опыт читателя, его субъективные ожидания опосредованно влияют и на само художественное содержание. Таким образом, в рецептивном художественном смысле присутствует след индивидуальной и социальной психологии, воздействие доминирующих ментальных состояний. Среди источников рецептивной эстетики можно назвать иенских романтиков, которые одними из первых поставили вопрос об активном читателе.

Центральная проблема актуализации художественного смысла связывается рецептивной эстетикой с различием, которое существует между «горизонтом ожидания произведения» и «горизонтом ожидания читателя». Когда речь идет о «горизонте ожидания произведения», мы фиксируем многомерность произведения искусства, его открытость для множества интерпретаций. Каждое поколение стремится заново прочитывать и интерпретировать классические произведения. В этом явлении скрывается потребность измерить степень устойчивости и преемственности, принятых ценностей. Таким образом, любая актуализация художественного наследия предстает как двуединный процесс.

Попыткой практического применения такого методического подхода является материал данной статьи, основу которой составляет интерпретация художественного смысла восточнославянского образа в новелле Т. Манна «Тонио Крегер».

Рассмотрим новеллу Т. Манна «Тонио Крегер» с точки зрения рецептивной эстетики. В новелле «Тонио Крегер» описана судьба писателя, который в зрелые годы переживает подлинную трагедию: ему чуждо общество, которое его окружает, но и вне этого общества его жизнь утрачивает всякий смысл. Т. Манн толкает Тонио Крегера на сближение с жизнью, «любовь к человеческому, живому и обыденному». Только это может сделать из литератора подлинного

поэта, считает Т. Манн. Интересно, что оппонентом Тонио Крегера выступает в новелле русская художница Лизавета Ивановна. Именно она дает Т. Крегеру советы о литературе, которые писатель принимает, и отвечает ей: «Вы вправе так говорить, Лизавета Ивановна, и это право дают вам творения ваших писателей, ибо русская литература, достойная преклонения, и есть та священная литература, о которой вы сейчас говорили»[3, с. 44].

Известно, что Томас Манн был сторонником самых тесных отношений России и Германии: «Россия и Германия должны познавать друг друга все лучше и лучше. Рука об руку они должны идти навстречу будущему»[7, с.295]. Более того, писатель называл русскую литературу «святой», преклонялся перед ее ярчайшими представителями, но отрицал ее прямое воздействие на свое творчество. Почитание русской литературы объясняет с художественно-эстетической точки зрения расстановку некоторых акцентов в его произведениях. В статье А. В. Русаковой «Т. Манн и русская литература» речь идет о значении русской литературы в творчестве писателя, во-первых, «как одного из факторов, стимулировавших интерес Т. Манна к России», во вторых, – «факторов, переводивших этот интерес из сферы «духа», «искусства» в сферу «жизни» «политики» и животрепещущих проблем»[7, с. 296].

Проблема ценностной актуализации художественного смысла восточнославянского образа связана с различием, которое существует между «горизонтом ожидания произведения» и «горизонтом ожидания читателя». «Горизонт ожидания читателя», в отличие от «горизонта ожидания произведения», не предполагает положительной рецепции русской литературы и ее представителей, восточных славян, поскольку рецепция читателя ассоциативно связана с социальным восприятием представителей восточнославянского этноса в Германии конца XIX века.

Почему именно восточная славянка олицетворяет собой многогранный духовный образ? Ассоциация русской женщины с русской литературой, с «загадочной русской душой» нашла убедительное воплощение в эстетическом замысле данного персонажа Т. Манна. Лизавета Ивановна выражает мысль автора о роли литературы, «ее целительном, освящающем воздействии. Литература – это преодоление страстей посредством познания и слова, – путь к всепониманию» [7, с. 151]. Такое глубокое постижение силы художественного слова выражает русская художница, созданная пером немецкого писателя, что свидетельствует о влиянии произведений русских классиков на творчество Т. Манна. Образы русских,

встречающихся в произведениях Т. Манна, многогранны. Они обладают как внешним шармом, так и богатым внутренним миром. В описании Елизаветы Ивановны мы находим прямое подтверждение этому: «На вид ей, как и ее другу, было лет тридцать с небольшим. В темно-синем, перепачканном красками рабочем халате она сидела на низеньком стуле, подперев кулачком подбородок. Ее каштановые, стянутые в тугий пучок и чуть тронутые сединой волосы мягкими волнами ложились на виски, обрамляя смуглое, бесконечно привлекательное лицо славянского типа, со вздернутым носом, широкими скулами и маленькими черными сияющими глазами» [3, с. 39].

С точки зрения рецептивной эстетики образ Лизаветы Ивановны характеризуется различной степенью проявления. Русская женщина ведет светскую беседу с немецким писателем, разбираясь в искусстве, литературе и вопросах философии, она настолько умна и деликатна, что позволяет Тонию Крегеру, герою новеллы, демонстрировать свое превосходство следующими фразами: «Я только глупая женщина, пишу картины, и если у меня находится, что возразить вам, если мне иногда удастся защититься от вас ваше собственное призвание, то, конечно, не потому, что я высказываю какие-то новые мысли, — нет, я лишь напоминаю вам то, что вы и сами отлично знаете... По-вашему, выходит, что целительное, освящающее воздействие литературы, преодоление страстей посредством познания и слова, литература как путь к всепониманию, к всепрощению и любви, что спасительная власть языка, дух писателя как высшее проявление человеческого духа вообще, литератор как совершенный человек, как святой — только фикция, что так смотреть на вещи — значит смотреть на них недостаточно пристально?» [3, с.45]. Рецептивная эстетика образа Лизаветы Ивановны расширяет общепринятые рамки ожидания немецкого читателя. Актуализация художественного образа Лизаветы Ивановны предстает как двуединый процесс. Благодаря эстетической концепции Т. Манна возникает нравственный образ представителей восточнославянской литературы. С одной стороны, это противоречит социальным стереотипам Германии конца XIX века в рецепции восточных славян, с другой стороны, идеи, выраженные словами русской художницы, указывают на функционирование мифа о «голубиной» славянской душе. Беседы русской художницы содержат мысль о всепрощении, о движении человеческого духа по пути любви и взаимопонимания. Слова Тонию Крегера, подтверждают высказанное предположение: «Вы вправе все это говорить, Лизавета Ивановна, применительно к творениям ваших писателей, ибо достойная преклонения русская литература и есть та самая святая литература» [3, с. 44].

Интерпретируя художественный смысл новеллы, мы неоднократно задаем себе вопрос относительно многолетней дружбы немецкого писателя и русской художницы, более того, контекст содержит прямое подтверждение этому: «Тонио Крегер продолжал жить на севере и, выполняя свое обещание, писал Лизавете Ивановне, испытанному другу. Милая Лизавета, обительница далекой Аркадии, куда скоро ворочусь и я!» [3, с. 72].

В письме к Лизавете автор сообщает о своей любви к жизни, а вернее к тому, что он называет жизнью. Удивительно его признание правоты Лизаветы Ивановны, на которое она вовсе не претендует: «И вот я спрашиваю себя: сознавали ли вы тогда, как близки Вы к истине, как тесно связаны друг с другом моя бюргерская сущность и моя любовь к «жизни»? [3, с. 73]. Значения, которые Т. Манн кодирует с помощью приемов выразительности, и образности в тексте требуют от читателя адекватной конгениальности.

Констатация данных фактов служит подтверждением художественного функционирования бинарного архетипа восточных славян, одной из характеристик которого выступает миф о «голубиной» славянской душе. Автор новеллы реализует в образе Лизаветы Ивановны доминирующее ментальное состояние немецкой социальной рецепции восточных славян, главными чертами которых считаются душевность, славянское дружелюбие и уступчивость.

Писатель действительно любил русскую литературу и все русское. Не случайно именно к нему обращались с предложением написать предисловия к произведениям Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова. В его предисловии к «Анне Карениной» в 1939 году есть следующие строки: «Л. Толстой совершил в области искусства такое, о чем мы, простые смертные, и мечтать не смеем...» [7, с. 302]. Т. Манн часто повторял высказывание М. Горького о Л. Толстом: «В нем есть нечто, всегда возбуждавшее у меня желание кричать всем и каждому: смотрите, какой удивительный человек живет на земле! Ибо он, так сказать, всеобъемлюще и, прежде всего человек – человек человечества... этот человек – богоподобен!» [7, с. 302]. Его восхищал «здоровый» духовный мир Л. Толстого и И. Гете, о чем он писал в одноименной статье «Гете и Толстой» (1923) (Gothe und Tolstoi), говоря о «божественности» И. Гете и «богоподобии» Л. Толстого. Такое благотворное влияние Л. Толстого на творчество Т. Манна объясняет создание мягкого женского, славянского образа, воплотившего в себе высшее духовное начало.

«Бюргеры глупы; но вам, поклонники красоты, обвиняющим меня во флегме, и отсутствии возвышенной тоски, не плохо, было бы

понять, что существует творчество, столь глубокое, столь предначертанное и роковое, что нет для него ничего сладостнее и желаннее, чем блаженная обыденность»[7, с. 130] . «Ведь если что может сделать из литератора поэта, то как раз моя бюргерская, обывательская любовь к человеческому, живому обыденному. Все тепло, вся доброта, весь юмор идут от нее, и временами мне кажется, что это и есть та любовь, о которой в Писании сказано, что человек может говорить языком человеческим и ангельским, но без любви голос его все равно останется гудящей медью и кимвалом бряцающим» [7, с. 130].

«Целительное и освящающее воздействие» русской литературы признается также А. Гофманом в его статье «Томас Манн и мир русской литературы», хотя в начале статьи автор высказывает мысль об одностороннем доминировании европейской литературы над восточнославянской. Уже в конце работы А. Гофман все чаще говорит об обоюдном влиянии.

В Европе и поныне бытует мнение о противоречиях между «христианскими народами Европы» и «азиатской и нигилисткой сущностью русских», говорится о «европеизации России, начиная, со времен Петра I и заканчивая Октябрьской революцией»[12, с. 151]. Жизнь и творчество Л. Толстого стали наглядным примером славянского миролюбия, смиренности, чистоты, созерцательности. Познание человеческой сущности посредством человеколюбия, построение гуманного общества будущего – ориентиры, определяющие смысл его существования, и основу рецепции восточного славянства в Европе.

Новелла Т. Манна «Тонио Крегер» подтверждает закономерность возникновения гуманного художественного образа Лизаветы Ивановны, расширяющего горизонт ожидания немецкого читателя. Эстетическая рецепция восточнославянского персонажа вскрывает огромный пласт восточнославянского культурного наследия и реализуется в образе очаровательной славянки с «голубиной», загадочной, славянской душой.

Литература

1. Гадамер Г.-Х. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.1988.
2. Гуренко Е. Проблемы художественной интерпретации. Новосибирск. 1982.
3. Манн Т. Избранное: Пер. с нем / Т. Манн. – М.: Худож. лит, 1975. – 364 с.

-
4. Зоркая Н.А. Рецептивная эстетика. //История эстетической мысли. М. 1990. Т.5.
 5. Mann E. Das letzte Jahr / E. Mann. – Berlin, 1956. – S. 20 - 29.
 6. Набоков В. Лекции по русской литературе. М., 1996.- с. 56-57.
 7. Русакова А. В. Т. Манн и русская литература // Славяно-германские культурные связи и отношения. – М.: Наука, 1969. – 365 с.
 8. Топоров В. Н. Пространство / В. Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1982. – Т. 2. – С. 340 - 342.
 9. Топоров В. Н. Модель мира (мифопоэтическая) / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия В 2 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1982. – Т. 2. – С. 161 - 164.
 10. Шлейермахер Ф. Академические речи 1829 года. — М.: Науч. изд., 1987. — 218 с.
 11. Яусс Х. Р. История литературы как провокация литературоведения. //Новое лит. обозрение. 1995. №12.
 12. Hofman Alois. Thomas Mann und die Welt der russischen Literatur. – Berlin: Akademie Verlag, 1967. – 373 s.
 13. Hamburger K. Thomas Manns grosse Liebe / K. Hamburger // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. – Muenchen, 2000. – Bd. 4. – S. 1035 - 1057.

УДК: 821.111

Джапарова Э. К.,

кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой английского языка и литературы
Крымского инженерно-педагогического университета

МОТИВЫ КЕЛЬТСКОЙ МИФОЛОГИИ В ПОЭЗИИ РОБЕРТА ГРЕЙВСА

Одной из актуальных проблем современного украинского литературоведения является анализ взаимосвязи искусства и мифологии на современном этапе развития гуманитарной мысли. Важное место в этом процессе отводится системному осмыслению творческого и литературно-критического наследия представителей XX века.

Одним из наименее изученных в отечественном литературоведении является литературно-критическая концепция Роберта